

— Ну, скажи нам что-то, Ляльфушенька! Ты ж умнее академика, скажи! — трепала по загривку дама белую, длинношёрстную борусскую овчарку Ляльфу с крепкими, широкими лапами, опахалом хвоста, свёрнутого бубликом, судлинённой по-медвежьей мордой, над которой главенствовали всепонимающие глаза. Собака ластилась щекой

о ладонь хозяйки и заглядывала ей в глаза.

— И это мой грозный волкодав, овечья защитница, дикая собака Ляльфа! — ворковала хозяйка.

На крыльцо вышел человек с иконописным лицом. Собака выскочила из-под ласковой руки, с радостным лаем бросилась к нему, с налёту упёрлась лапами в грудь, умыла языком:

Маргарита Сосницкая — член Союза писателей России, автор многих книг стихов и прозы, романа «София жизнь», живёт в Подмосковье, работает в Миланском университете.

— Ах, ты мой медведь, — пошатнулся, но устоял человек, — мишка косолапый из семейки псовых. Заметь, не пёс из семейства медвежьих, а медведь из семейства псовых. Пёс, стало быть, первее и, стало быть, главнее хозяина тайги!

Собака тихо зарокотала и с лаем сорвалась к высокому забору, обновившему двор. Рык катался в горле ручной шаровой молнией, при каждом ударе лапы о снег отдавался в горле толчком. Двор вокруг белый, будто накрыт воскресной скатертью; сосны, ели, яблони — в белых меховых накидках, белая крепкая лапа на снегу — всё белым-бело, даже тёмный лес вдоль горизонта на пригорке и синее небо. А Ляльфа — хозяйка и хранительница снежного царства. Село здесь — пригородное, следовательно, дачное, почти все жители дезертировали на зимние квартиры; дезерто (deserto) — на латыни пустыня. По дворам тянется к небесам голубая тропинка из полдюжины дымоходов. Собака замолчала, затаилась у забора — сразу хлынула, накрыла всё тишина. По ту сторону забора проскрипели по снегу шаги и послышался слащавый голос:

— Когда ж уймётся ваша собачка? Житья от неё нет!

Хозяева остолбенели:

— Минуточку, это ж кому мешает наша собака?! В деревне?

Ляльфа уже бешено носилась из конца в конец вдоль забора, огрызаясь на голос грозным лаем. Хозяева кинулись к калитке взглянуть на эту нетерпимую личность, но пока сбивали наледь с полуржавой задвижки,

пока сдвигали её ударами молотка по оледеневшему отверстию, пробежали минуты, и они увидели только кокон спины в серо-бурой стёганке уже под лесом, в котором прятался соседний дачный посёлок.

— Ну и ну, — обменялись взглядами хозяева. Собака же приняла позу боевой готовности: пёс готовится к прыжку. По дороге семенил бесхозный Гриша — бородатый, желтоватый пёсик, которого все в деревне понемногу прикармливали. Гриша — суперпёс, старожил дачного посёлка, выживавший зиму без крова. Хозяин схватил Ляльфу за ошейник и затащил во двор с прохода калитки, не дав ей обляять Гришу.

— Солнышко, — это он обратился к хозяйке, — вынеси Грише чего-нибудь на зуб.

— Знаю! — огрызнулась «солнышко» тоном «не учи учёного»: она уже шла в дом, откуда через минуту вынесла торбу. Пёсику достались куриные косточки, остатки пирожков и прочие собачьи радости. Ляльфа недовольно рычала:

— Моя хозяйка! Я за неё любому пасть порву! Беги мимо, куда бежал!

Гриша и не собирался заходить во двор, но и бежать не собирался: с видом знатока грыз косточки на дороге, перекидывая их со щеки за щеку.

Вечером привезли Милона, немецкую овчарку Жени, хозяйского приятеля, инженера мостовика, отбывающего в командировку. Ляльфа восседала на сугробе, как снежный сфинкс, сложив перед собой креп-

кие, широкие лапы, зорко озирая свои владения.

— Ух, ты! Моя собака с краю, первой гостя встречает, — увидел её инженер, представляющий типаж своего легендарного коллеги Евгения Патона. — Пряма царица! Снежная королева! Хоть статую с неё ваяй для въезда на мост, вместо льва. На алаябая смахивает.

— Какой же это алабай, — возразила хозяйка. — Пастушья овчарка, два региона южной Европы спорили, кто её вывел: Маремма или Абруццо. Кто она — мареманка или абруцка-баруска-борусска? Каждый называет по-своему, а официально записали: мареманка-баруска.

— Да уж... Правда, не возьму в толк, какое отношение к южной Европе имеет эта младшая сестра белого медведя? Она явный продукт северного беспредела наших просторов, — Женя выпустил из машины своего пса.

Овчарка как овчарка, но с обрубком хвоста. В каких переделках, под каким мостом остался хвост Милона, история умалчивает. Ляльфа была таких же габаритов, что и пришелец, и быстро дала понять, кто в доме главный. Когда хозяин сел на диван, стоявший на кухне у стола вместо лавки, Ляльфа разлеглась рядом во всю длину дивана, осталась прогалинка между хозяином и подлокотником. И Милону пришлось, прижав уши, изгибаться, сворачиваться, будто он какой-то кот, чтобы втиснуться в эту прогалинку. А легко ли это уважающему себя полногабаритному псу, каким был Милон? Наконец,

втиснувшись, он облёгченно вздохнул, расправил уши: я, мол, тоже на диване, как все люди, а не где-то в углу, на подстилке. Хозяин встал (Ляльфа немедленно заняла его место пушистым хвостом; наверное, это был тот случай, когда Милон порадовался, что сам без хвоста), взял стакан, налил в него воды, добавил две ложки чего-то красного, ягодного, долил ещё чего-то из бутылки:

— Ну, ребята, — обратился он к двум лучшим друзьям человека, — щас будет фонтан, фейерверк шипучка, — и опустил в стакан чайную ложку соды.

Стакан зашипел, вспенился бурливо, пена выплеснулась за стаканый борт, хлынула на скатёрку и обрушилась вниз. Собаки сорвались с дивана под стол, лая на этот крашенный водопад, который растёкся в шуршащую, шипящую, шипучую лужу-змею и замер. Хозяин хохотал:

— Собака всю жизнь ребёнок! Детский сад!

Вбежала «солнышко»; в платье, как с обложки «Работницы» — опрятненьком, с белым воротничком:

— Что вы тут натворили?

Собаки заматали следы хозяйской оплошности, вылизывая на полу сладкую лужу. С той минуты Ляльфа и Милон поладили, но право первости сохраняла она. К миске ли подойти, воды ль похлепать, косточку перехватить. С Милоном они были заодно, ежели, не приведи леший, хозяин уделял внимание чужой собаке. Однажды на стоянке у магазина, где прикармливались бро-

шенные псы, хозяин стал их кормить и толковать с ними по душам, пока они жадно заглатывали куски гуляша. Ляльфа и Милон, роняя слюну, наблюдали эту демократию в окно багажника хозяйского пикапа. Но когда Хозяин потрепал за холку бродягу — щенка кавказской овчарки:

— Да ты пить хочешь! — и вытащил из машины бутылку воды и попросил прохожего налить ему в подставленные ковшом ладони и стал поить щенка из рук, Ляльфа и Милон завывли в один голос. Вот она, обратная сторона добра. Не прошло и трёх недель, как побывка Милона закончилась. Увидев своего хозяина, бесхвостый пёс всем существом выразил бурную радость, как если бы хвост его никуда не девался и исправно вилял, бросился ему под ноги, а потом ловко запрыгнул на переднее сиденье.

— Мы будем по тебе скучать, Милончик, — попрощалась с ним хозяйка. Милон тоже будет скучать, — об этом гласил его тоскливый взгляд из окна машины.

3

Новости по ящику смотрели, сидя на диване: хозяева — по сторонам, посередине — Ляльфа. Новостью дня было наводнение в Генуе. Показывали душераздирающие кадры любительской съёмки на мобильник. Поток мутной воды захватывает мальчика лет десяти и тащит за собой.

— Папá, папá! — кричит ребёнок, протягивая руку к мужчине, стоящему у кромки суши.

— Карло, Карло!! — кричит папá, простирая руки вслед за мальчиком, а того накрывает мутный поток. На экране крупным планом появляется Ляльфа. Ляльфа на диване приподнялась и наострила уши.

— А это Арга, — сообщает диктор, — мареманская овчарка, она спасла своего хозяина. Привела спасателей в затопленный дом, где он лежал на втором этаже, разбитый параличом. И пока того не вывезли, Арга не покинула строение, исчезающее под водой. Овчарки эти ходят на волков, отличные спасатели, не знают страха — недаром они похожи на белого медведя.

Хозяин и «солнышко» обнимают, тискают свою мареманку:

— Так вот ты какая умница!

— Без страха и упрёка!

— Лапочка наша, кровинка!

И пошли-поехали перечисления собачьих заслуг.

За высоким забором безвыходно сидят заключённые. А Ляльфа — собака дикая и свободная, из породы, идущей на волка. Дикая свобода её на грани своеволия сочеталась с утончённой благовоспитанностью и тактом. Она никогда не попрошайничала, молча ждала, пока дадут ей кусок. Любила огурцы, шоколад, кофе с молоком и прочие вредные сладости. Как ворона, обожала сыр, брала его аккуратно зубами из рук и вдумчиво смаковала, перекидывая со щеки за щеку. Однажды слизала красную икру с блюдца на столе, предназначавшуюся совсем не ей, за что получила подушкой по спи-

не. Щенком изгрызла не одну пару обуви, в том числе сногшибательные серебряные вечерние туфли на шпильках, в которых хозяйка только раз и успела выйти на сцену. После этого туфли ставили на верхние полки с книгами. Щенком — потерялась и угодила в приют для брошенных собак; не примчись хозяева вовремя в этот приют — собачий концлагерь, — Ляльфу бы усыпили, потому что такую породу полагалось отдавать только на ферму в крестьянское хозяйство. Квартиры для них — неестественная среда обитания, они там чахнут. Когда внесли сумму за содержание щеночка в этом концлагере и взяли его на руки, он визжал, дрожал, трепетал и отчаянно скулил. Только дома, на диване рядом с хозяйкой, постепенно затих, успокоился под надёжным, хозяйским боком, снова превратился в тёплый, пушистый комочек белой шерсти. Диван этот стал ковчегом Ляльфы, чего, однако, не приветствовала хозяйка и требовала знать своё место в углу, на старой дублёнке. Ляльфа располагалась на диване в отсутствии хозяйки, слышав же её шаги, напрягалась, и при последнем шаге у двери, прыгивала на пол; хозяйка засекала прыжок:

— Опять?! Потом я вся в шерсти хожу, как привидение!

Шерсть же ежедневно вычёсывалась и собиралась для набивки лечебных подушечек и согревающих поясов. А вот подначешут шерсти, непременно спрядут нить, сматают в большой клубок и свяжут царь-варежки да носки — нам не страшен лют мороз. Может, и самой Ляльфе

пригодятся такие носки для пробежки по снегу.

— Пойдём, погуляем,— надевает ей ошейник хозяин.

— Зачем? — возмущается хозяйка. — Ей что, во дворе мало места?

— Там воздух свежий.

— А во дворе он не свежий? — не понимает хозяйка.

— Там лес, речка и приволье, — не понимают хозяйку.

— А-а, так это тебе нужно, а не собаке. Она — только предлог, чтобы из дому отлынуть, — негодует хозяйка.

— Всякий раз одно и то же, — негодует хозяин, выводя собаку.

— А я говорю, не выводите её! И меня заодно! — напрасно бунтует хозяйка вдогонку.

4

Собака бежит по снегу красиво, ведёт человека на поводке. Останавливается, унюхав шишку в снегу, и хозяин ногу приставляет, терпеливо ждёт, пока та насытит любознательность. Вдруг за спиною раздаётся скрип шагов:

— Ой, какая собачка, беленькая, пушистенькая, — слышен сладенький голосок. Человек оборачивается, но его обходят с другого плеча, он видит спину в буром ватнике, она — судя по голосу, это тётка, — семенила на коротких ножках, быстро удаляется. Собака рычит, передёрнув ушами, делает рывок к реке под непробиваемым ледяным паркетом и пирамидками сугробов. Хозяин едва за ней поспекает, подбирает колышек, кидает над снегом, она срывается вслед за ним и приносит обрат-

но в зубах. Он отнимает, она рычит, носится кругами, чтоб он догонял, прыгает на сугроб и возлежит, точно снежный сфинкс. Хозяин снова бросает колышек подальше... Бурый ватник тем часом тормозил через каждые метров двести и разбрасывал корм; видно, птичек хотел подкормить или иных зверюшек в зимнюю стужу. У калитки, за которой обитала Ляльфа, тоже притормозил. Хозяину оглянуться бы... но они носились с собакой кругами в сплошном коловороте леса, снега, лучей солнца. Домой Ляльфа уже бежала за хозяином послушно; видать, нагулялась, проголодалась. У калитки, пока хозяин открывал её, вскинулась, навострила уши, потянула ноздрями воздух, сделала шаг в сторону, а в тот момент, когда хозяин повернулся и позвал её: «Давай, Ляльфа, заходи», — она схватила в зубы кусок чего-то бурого.

— Фу, Ляльфа! Фу! — крикнул хозяин. — Что это? Брось! Выплюнь! Я кому сказал?!

Но собака грозно зарычала, тупо уставившись на него жёлтыми глазами, и одним махом забросила кусок себе в пасть. Жадно прожёвывая, потрусил мимо хозяина, легла в углу холодной веранды, в дом заходить не стала, хоть был последний день декабря, и хозяйка на кухне колдовала над вкусными праздничными угощениями: пловом, оливье и мраморным тортом с шоколадными разводами, и шоколад издавал тонкий аромат в этом сложном букете запахов. Ляльфа к шоколаду всегда неровно дышала. Через пару часов,

уже перебравшись в прихожую, она ненормально взвизгнула и её начало тряссти.

— Лялюфушенька! Что с тобой?! — испуганно выглянула с кухни хозяйка. — Сан Саныч! Саныч!!!

Но тот был рядом, бросился к собаке, прижал её к полу, об который она стала биться в конвульсии. Постепенно затихла, лежала недвижимая, виновато глядя на хозяина. Через короткое время снова завизжала более страшно; повторился приступ. С языка закапала слюна, она отрыгнула, гадко запахло чесноком.

— Уля, звони в ветеринарку! — тоном «казнить нельзя помиловать» воззвал Сан Саныч. Уля схватилась за мобильник:

— Срочно приезжайте! С собакой творится... судорога, рвота... Часа четыре ни крошки во рту не держала. Что? Через два часа? Да её сейчас колотит!!! Срочно!.. — она назвала адрес, — деревня Тридевятиково, дом номер два. С краю. Какая тут улица? Она одна на деревню. Я ж говорю, дом второй, с краю!

Ей ответили, что обязательно приедут, вызов платный, ждите. Но не раньше, чем через два часа. И связь пропала. Собака билась в новом приступе. Ей сводило челюсти, она подползла к миске с водой, но пить не могла. Сан Саныч попытался что-то сделать, разнять ей зубы, да попал ладонью на зуб — зуб волкодава, железный клык, и взвыл от резкой боли, выбежал в рубаше на улицу, чтоб морозом заглушить боль. Прикладывают же лёд к ушибу. Капли крови упали на снег, красные на

белом, как вышивка на полотенце. Ульяна открыла окно:

— Домой, Саньч, домой немедленно! Воспаления нам только не хватало!

— Солнце, караул! На помощь! Солнце моё! — зашёл он в дом.

«Солнце», схватив аптечку, перекинь водорода, бежала навстречу. У собаки перехватывало дыхание, хозяева тормозили её судороги, прижимая к полу, одновременно врачую рану Сан Саныча: Ульяна промывала её и бинтовала. Их тошнило от запаха чеснока. Альфа вытянулась, вздрогнула и замерла. Хозяева в шоке уставились на неподвижное тело.

— Кажется, — произнёс Сан Саныч, — ветеринарка больше не нужна.

Ульяна молча протянула ему мобильник.

— Алло, мы звонили по поводу собаки... из Тридевятово. Аннулирую заказ. Ей уже никто не поможет.

— А как всё произошло? — спросил телефон. Хозяин рассказал: Ляльфа была двугодовалой пастушьей овчаркой-мареманкой, ещё не оцелялась, заглотила что-то на прогулке, начались периодические конвульсии, слюновыделение, рвота.

— Запах чеснока присутствовал? — спросил ветеринар.

— Вонь! До рвоты!

— Крысиный яд, — сочувственно заключил ветеринар, — так ведёт себя крысиный яд.

— Что? Откуда? Как?

— Вы сказали Тридевятово?

— Тридевятого.

— Кто-то у вас там орудует. Это не первый вызов.

— Да как же так?! — не находил слов Сан Саныч.

— Вот и я спрашиваю, как же так? На носу Новолетие, люди праздничный стол накрывают, селёдку под шубой готовят, оливье, а какая-то нелюдь подставу с крысиным ядом стряпает. В помощь бездомным и бедствующим братьям меньшим. Тварь.

Сан Саныч выдохнул:

— Нет слов. Я разнимал ей зубы, и она прокусила руку.

— А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, — тон в мобильнике стал жёстким. Сан Саныч рассказал. Ветеринар выслушал, не прерывая, а потом сказал:

— Нужно собаке отрезать голову и привезти нам на экспертизу, а туловище сжечь.

— Что? — ужаснулся хозяин. — Мало того, что лишили жизни безвинное животное, так ещё надо над ним надругаться?!

— Вы не так поняли. А если она бешеная? Вы не представляете, чем рискуете. Надо срочно сделать анализ её серого вещества.

— Что?! Да пош-ш... кхы-кхы...

— В чём дело? — испугалась Ульяна.

— Да ничего, ничего, — кивнул ей Саньч. — Всё, спасибо, будьте здоровы, — сказал в аппарат, из которого рвался голос ветеринара, и отключил связь.

— Что? — настойчиво повторила Ульяна.

— А ничто. Пока люди накрывают праздничные столы, мы с тобой будем рыть могилу.

— Ляльфа, Ляля моя, собаченька! —

заголосила Уля и тут же перешла на ледяной тон. — Я тебе сколько раз говорила, не выводи её выгуливать!

Укор похлеще жала дикой осы. Сан Саныч понуро повесил голову. Огрызнулся:

— Что ж теперь?

— А теперь, — не щадит поверженного хозяйка, — сто укулов в живот от бешенства изволь принять.

У Сан Саныча прокатилась по коже дрожь: кто ж в наш век продвинутой медицины не трепещет при виде шприца с иглой?! Особенно из представителей неслабого пола. Однако пройти через это испытание пришлось. Причём, самому ехать в поликлинику за рецептом, потом просить Ульяну, чтобы она делала ему уколы, которых она никогда в жизни не делала, и всякий раз это был её укор «Говорила же я тебе, не води её за забор». Она, конечно, молчала, как рыба, да укором был укол, укор — укол. Вдвойне больно. Сан Саныч напечатал листовки с проклятием псоубийце и пожеланием ей отдачи сторицей и расклеил на всех столбах. По закону бумеранга содеянное зло ей неминуемо вернётся. А на могилке Ляльфы установили большую статую собаки из белой керамики. При полнолунии она излучала зеленовато-голубое свечение.

5

Ульяна и Сан Саныч осиротели. Дети их давно разъехались и жили своей жизнью. На Ляльфу они изливали всю свою неостребованную заботу и нежность. Любые разговоры заканчивались нескончаемыми вос-

поминаниями о Ляльфочке, её понятливости и барских манерах. Когда в отпуск привозили двухлетнего внука, а Ляльфа взяла с его прогулочной коляски резинового зелёного бегемота и погрызла, мать ребёнка увидела и ласково упрекнула:

— Что ж ты натворила, Ляльфа?

Та забежала за поленницу и стала скулить. Сан Саныч не выдержал, выглянул в окно:

— Что случилось? Мурашки по коже!

— Да я ей всего-то и сказала: что ты наделала! А она сбежала и воет! Ляльфа, извини! Не расстраивайся ты так из-за какой-то резины!

— Дай ей косточку с мякотью, — посоветовал Сан Саныч, он же дед ребёнка. На косточке они и поладили. Звонил мостовик Женя перед очередной командировкой:

— Так можно я к вам моего бесхвостого закину? Он-то по своей подружке, Ляльфе, небось, скучает, только рад будет, привык.

— Ляльфы нет, — траурно сказал Сан Саныч.

— Как нет? — спросил, хотя по тону понял неладное.

— Её отравили.

И Сан Саныч рассказал о своей беде.

— Знаешь, сейчас рассматривается закон о привлечении к уголовной ответственности за вредительство и издевательство над братьями нашими меньшими. Чтoб до шести лет строгача давали.

— А что так мало? Убила эта тварь Ляльфу навсегда, а на казённых харчах лечиться будет шесть лет?

— Милон расстроится, — вздохнул мостовик, — без Ляльфы. Я его, пожалуй, с собой прихвачу. Эх... прими мои соболезнования. Понимаю. Моя хата с краю, первым врага встречаю. Моя хата — в смысле твоя. Я б, наверное, за своего Милона задушил бы крысятницу. А как ещё спеца по крысиному яду называть?

Сан Саныч доложил Ульяне:

— Не приедет Милон. Хозяин забоялся, не хочет рисковать.

— Не приедет? Как жаль! Я соскучилась... Но и правильно, так надёжней.

6

Наступил март. Снег ещё лежал антарктическими островками на тёмной земле. Ульяна переводила дом на весенний порядок, мыла окна, и они сверкали чистотой, будто расколдованные, как тот лес, засохший на столетие, пока спящую красавицу не поцеловал принц. Проветривала на солнце подушки и одеяла, развесила бельё в саду, не у крыльца. Домашнее платье, в голубенькую клетку с белым воротничком, повесила на дерево на вешалку-плечики, а свои так и не ставшие старыми вечерние серебряные туфли с автографом Ляльфиных зубов поставила рядом с белой керамической статуей собаки. Шерстью, начёсанной с неё, набила подушечку — на большее не хватило. Чувство нежности к Ляльфе равнялись силе чувству ненависти к её отравительнице. Будь она трижды триста раз проклята. Вместо забора с одной стороны участка, граничившей с дачниками, тянулась

серая металлическая сетка. И часть сада просматривалась с дороги. В сумерках по дороге кто-то шагал в плаще, спортивном костюме и вязанной шапке, и вдруг остановился, разглядывая платье, сушившееся на дереве. Быстро не темнело. Соседская дача была отгорожена сеткой только с одной стороны, а дальше её окружал старый заборчик ниже колена. Прохожий перелез через забор, подошёл к сетке, вынул кусачки и перекусил ими несколько секций, отогнул их и пролез в сад. Тем временем стемнело совсем, растущая «луна постепенно из туч вышла, как будто с могилы». Незванный гость подошёл к платью на дереве, стащил за подол с вешалки, смотал тугим рулоном и стал заталкивать под плащ за пазуху. Вдруг будто кто-то навёл на него прожектор, и огромная корявая тень упала от него на землю и на дерево. Он обернулся: на него шла огромная бело-зелёная псина с оскаленной пастью. Гость заорал, не почувствовав, как обмочился; псина со страшным рыком кинулась ему на грудь, ближе к горлу. Гость свалился, как тюфяк. На крик выбежали хозяйева, Сан Саныч с ружьём. К счастью, оно не пригодилось, пригодился мобильник Ульяны, вызвавшей скорую помощь. Сан Саныч на всякий случай отнёс ружьё в дом, чтоб чего не нужно не пришили. Ульяна же узрела на ветке пустую вешалку, всплеснула руками:

— Иооёлки! Я совсем забыла! Тут же моё платье коронное висело! Где платье?! — и да простится её французский... — Мать твою-у-у-у!!!

Платья нет, и невесть кто под ногами валяется!

Вернулся Сан Саныч.

— Платья нет! — проорала ему новость Ульяна.

— Не ори! И не приближайся к лежачему! — предупредил Саныч. — На всякий случай не приближайся. Скорая приедет, разберётся.

И скорая, лёгкая на помине, издалека подала голос сирены, который не то, что из обморока в чувство приведёт, но и мёртвого подымет. Машина подкатила, упавший открыл щель глаз. Запеленговав санитару, которому хозяин открыл калитку, глаз закрылся.

— Пациент жив? — задал вопрос санитар, поправляя на лице маску.

— Надеемся, — ответил Сан Саныч. — Иначе как он сюда попал?

— То есть вы вызвали скорую, даже не удостоверившись, что человек жив? А вдруг ему нужна была экстренная помощь!

— А, может, ещё искусственное дыхание ему делать прикажете? — возмутилась Ульяна. — В наше-то карантинное время социальной дистанции! Во всех общественных местах без конца объявляют, чтобы при виде подозрительных предметов вызывали полицию. А тут подозрительный субъект на земле валяется.

Санитар поднёс ко лбу пациента пистолет термометра.

— Нет, температура нормальная. То есть заниженная, — и вздохнул, — термометры эти врут, надо делать несколько замеров и выводить средний результат.

Подошёл второй санитар, он же во-

дитель, поднял с земли сумку пострадавшего, а первый вынул стетоскоп и стал расстёгивать плащ пациента. Из-под спортивной кофты показался край голубой клетчатой ткани.

— Моё платье! — резко выхватила его Ульяна.

Пациент вздрогнул, стал подниматься, закричал женским голосом:

— Зверь, зверь! Страшный собака... напал... в мне, — схватил себя за горло, — куси, куси! Вай, вай!

— Вас покусала собака? Где укус? Нужны уколы от бешенства! — переполошились санитары.

— Зверь! Большая зверь! Огонь-глаза! Гори зубы! — пациент ударил себя в грудь. — Хотел есть моя, — и что-то ещё неразборчивое.

Второй санитар вынул из сумки паспорт, открыл, пролистал, вздохнул и сунул обратно:

— Всё понятно.

— Вай, вай! Большая зверь, ёлка совсем маленький, а зверь большая! — громогласно бредил пациент, хотя, судя по голосу, это была пациентка. — Гав, гав на мню... гав, гав!!!

Санитары уводили её с собой:

— Явно, эта особа пострадала. Обследуем в травмпункте, есть ли следы нападения. А психотравма — налицо.

Вой сирены проглотило расстояние, как огнеглотатель — факел. Хозяева молча вошли в дом. Ульяна бросила платье в корзину с грязным бельём, молча заварила чай, поставила на стол чашки, пряники; тишину нарушила струя кипятка из носика чайника в чашку. Сана Саныч очнулся от забытья:

— Ты поняла?

— Поняла, — последняя капля струи поставила точку в полной чашке.

— Вот именно, — кивнул Сан Са-ныч. — Ляльфа охраняет наш дом.

— И нас с тобой.

— Бедная Ляльфа!

— Благородная, — подняла за неё, будто бокал, чашку Ульяна.

7

Пришёл месяц травы — май, травень, и пришли в Тридевятово люди, и принесли свои аномалии. Вокруг деревни лес; видно, оттого деревни деревнями называли, что стояли они меж деревьями; рассекает её речка Островня, вдоль берега, в сени леса, поляны. Природа — продолжение космоса — на Земле благодатна. Живи, человеке, и радуйся. Здесь же и база отдыха, при ней, как метла при ступе, магазин. В магазине, известное дело, вместо красного уголка — винно-водочный отдел. Подгулявшие залётные отдыхающие разглядели из-за кустов девицу, выбравшуюся на бережок из воды, волосы она распустила, чтобы отжать. День клонился к закату, лес рядом превращался в обиталище таинственных теней. Перемигнулись залётные: мол, рядом готовенькая, обмытая, раздетая, и вокруг — ни души. Так чего мы ждём? И уже притиснули они девушку, заткнув ей рот её же лежавшей на траве майкой, как вдруг из тёмной чащи бросилась на них огромная, пылающая зелёным огнём псина. Один герой пустился наутёк, другой же, насевший на девушку, которому псина вгрызлась в горло, упал и ударился головой о

ствол. Польшающая собачья лапа прошла сквозь ногу девушки и погрузилась в землю, девушка вскинулась и пустилась бежать, да оглянулась: агрессор лежал под деревом, собака исчезла. Девушка, преодолевая дрожь, набрала номер скорой помощи. Вызвала, подробно объяснила, как разыскать, а сама сбежала: как бы чего не пришили. К молодцу навыворот, обормоту то есть, лежавшему под сосной, ствол которой он крепко поцеловал лбом, приехала скорая, нашла его там по указаниям вызывавшей и привела в чувство. Он вздрогнул, стал на четвереньки:

— Гори ты синим пламенем... Нет, нет, уберите псину! — завыл, схватился за голову.

— Что случилось? Какая псина? — участливо задавали вопросы санитары, поняв, что тут нужна психологическая помощь.

— У-у-у! — изобразил её масштабы молодец навыворот, сев на пятки и раскинув руки. — Вон какая! Псина — махина! Глаза рябиновые, польхает шерсть, белая, огонь, огонь, огонь!

— Агония у него, — заключили санитары и повели его в скорую.

Отвезли в ту же больницу, куда раньше отвозили похитительницу платья. Там выслушали пострадавшего, заявившего, что приходил, мол, в лес по грибы.

— По боровики или прям по белые? — уточнил местный доктор.

— Да какие попадутся! — отбрёхивался пациент.

— Они-то попадутся всякие, да только через пару месяцев. Сейчас

и тени гриба не найдёшь, — поймал его на вранье доктор. — Кто скорую вызывал?

— Не зна-а-а-ю, — протянул пациент.

— Да я и не тебя спрашиваю.

Санитары, доставившие пострадавшего, рассказали, что звонил женский голос, явно в шоке, назвал место, где в лесу лежит человек без чувств.

— А номер её высветился? — поинтересовался доктор.

— А как же, — санитар достал мобильник.

— Что? Будем звонить? — покопился на пациента доктор души и тела, — при больной душе тела-то не вылечишь. Тот поник головой. И всё чистосердечно рассказал.

8

В полицию звонить не стали. Это дело пострадавшей — туда обращаться. Она была из тридевятовских, и по деревне пошли слухи о белой собаке, горящей зелёным пламенем. Глаза у собаки — красные, а изо рта вылетал красный же огненный язык, как у шестипалого белого пса на вывесках бензозаправок «Агип». Молва о непознанном зелёном звере с глазами, что ягода рябины, пылающей всеми цветами радуги, пошла не только по району, но даже была пропечатана в местной газете. «Тридевятовская собака Баскервилей» — так называлась заметка. Журналист прифантазировал для пущего эффекта количество происшествий. Вместо двух — прописал пять. И как в воду глядел: вскоре их стало и пять, и шесть, и так далее. И всегда они были связаны с

каким-то аномальным действием: собака Баскервилей появлялась то при попытке угона, то при ограблении придорожного магазинчика «24 часа». В деревне её стали называть «наш Зорро» — мол, всегда в дозоре.

Вечерком Нилина стряпала угощение для бродячих собак. На кухне приятно играло радио, горел ночник. Нилина мурлыкала в такт музычке. Надо же, наконец, навести полный порядок в Тридевятове. Вон их, псов паршивых, целая волчья стая под супермаркетом ошиваются. Правда, у них зелёная бирка приколата на ушах, и никого они не трогают, разве что своим полным надежды взглядом в глаза каждому, кто кинет съедобный кусок: «Ну, что возьмёшь меня? Я ж хороший, друг человека. Создан, чтоб любить тебя, человеке! А ты, друг собаки? А ты? Эх, ты!» Впрочем, кому-то из бродяг повезло: кого-то люди взяли. Нилина же считала: устройством уличных собак должны заниматься государственные структуры. А не занимаются — значит, это задача сознательных граждан. Собаки ведь и напасть, и порвать могут ребёнка, неизвестно, что у них в башке, звери всё-таки. Башка и бешенство созвучны-то не случайно. Она же, Нилина, — дружинник собачьего правопорядка. Может, такими крайними мерами ей удастся привлечь внимание общественности и заставить должностных лиц строить не только себе виллы в Ницце, но и псам приёмники в Шараповке. Вдруг ночник на кухне погас, и радио онемело.

— Ух ты, — прозвучал в ослепившей темноте писклявый голосок Нилиной, — свет вырубился.

И она стала вслепую нашаривать в темноте коробку спичек. Зажглась спичка. Нилина поднесла её поближе к лицу, высветив маленькие глаза, тонкие бесцветные губы и нос с горбатой тенью. Пламя резко полыхнуло столпом до потолка, Нилина, ахнув, отбросила спичку, пламя отлетело к стене, ударилась о неё, та запылала зелёным огнём, в огне стояла белая длинношёрстая собака на согнутых передних лапах. Она грозно зарычала, затем яростно залаяла на Нилину, шесть её вспыхнула языками пламени. Нилина заорала, собака прыгнула ей на грудь и впилась в горло. Завязалась схватка защитницы порядка с гигантским огненным псом. Нилина каталась по комнате, стучалась головой о мебель, била кулаками пол, наконец, схватила пустую бутылку пива возле мусорного ведра, разбила её и стала вонзять «розочку» в зверя, насевшего на неё. Никто, оказись он рядом, не увидел бы этого зверя, глядя на эту абсурдную схватку с пустотой. Он увидел бы только орущую и визжащую тётку, которая грохнула бутылку, а теперь каталась по осколкам с «розочкой» в руках, которой драла полы, нападала на стулья. Наконец, она добралась до двери и выбежала во двор, затем на улицу и побежала по ней с «розочкой» и криками:

— Магите, магите!!! Держи псину! Стреляй псину! Убей! Всех их отстрелять! Потравить! Чтоб людей не трогали! А-а-а-а!

Нилина была в крови, та сочилась по лицу, пропитала рукав. Соседи вызвали скорую. «Опять это Тридевятиово!» — роптали там. Приехавшим санитарам Нилина твердила про псину, про то, как на неё напало огненное чудовище и хотело перегрызть горло, но она оборонялась, и что правы корейцы, поедая этих четвероногих тварей, а поляки ругаются: «Пся крев»! Санитары под руки вели её в фургон с красным крестом под взглядами общины соседней.

— Ишь, Чикатилу собачью взяли, — прокомментировал чей-то старческий голос.

Из-за толпы собравшихся вышел пёсик Гриша и повилял хвостиком.

— Ну, ты в рубашке родился, — кто-то потрепал его между ушей.

Нилину из травмпункта в больнице отправили в клинику для душевнобольных, известной в народе как «дурдом под горкой». Дурдом — это тюрьма не простая, а бессрочная.

9

У Сан Саныча случился инфаркт. Когда его увозили, Ульяна положила ему под голову подушечку из собачьей шерсти. Ему срочно сделали операцию на сердце. Шунтирование сосудов. В течение хирургического вмешательства к нему подошла Ляльфа, села рядом с операционным столом и положила морду на грудь, прямо на сердце. От неё пошло тепло и запахло шерстью. Операция прошла успешно.